

сование в полках по важнейшим решениям) привело к определенной дезорганизации управления. Следствием антивоенной пропаганды, проводимой большевиками, стали случаи дезертирства, самовольного оставления позиций. Исследование документов фондов 2106 (штаб 1-й армии), 2110 (штаб 2-й армии), 2113 (штаб 3-й армии), 2118 (штаб 4-й армии), 2144 (штаб 10-й армии) позволяет выявить комплекс управленческих мероприятий командования фронта, проводимых для его стабилизации в сложных политических условиях. Можно выделить главную тенденцию руководства Западным фронтом – удержание частей на занимаемых позициях любой ценой. Примером может служить приказ командующего 10-й армии командиру 525-го полка от 8 июля 1917 г.: «Необходимо формировать из казачьих полков отряды для разоружения неповинующихся. Один из таких отрядов формировать сегодня. В его состав включается учебная команда 525-го полка» [5, л. 32–35].

Изучение вопросов снабжений армий фронта, логистических задач по перевозке и комплектованию резервных частей в 1915–1918 гг. возможно на основе материалов фондов 2053 (Управление интенданта армий Западного фронта) и 2060 (Управление инспектора запасных частей).

Большую ценность представляет картографический материал, содержащийся в фондах штаба Западного фронта (2047, 2048, 2049). Анализ карт и схем боевых операций позволяет уточнить дислокацию частей и соединений фронта, определить территорию прифронтной и тыловой зон.

Характерным примером может служить сопроводительный приказ главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта № 28210 от 22 сентября 1915 г.: «Главкомандующий приказал установить следующую разграничительную линию между тыловыми районами 2-й и 10-й армией: по рекам Вилейке и Лоше, деревне Антоновка (севернее Гайны) и Ляховка (севернее Борисова) и далее по ныне существующей разграничительной линии» [6, л. 110]. К этому приказу прилагалась карта с отмеченным размещением армий.

Сопоставление подобных приказов для каждой из армий позволит создать развернутую карту-схему их размещения на территории Беларуси, определив границы тыловых районов. В свою очередь, это поспособствует уточнению данных социально-экономической ситуации на белорусских землях.

Ценность для исследования представляют рукописные пометки на полях, сделанные офицерами штаба фронта и командирами корпусов и дивизий. Зачастую, они делались на основе конкретной боевой ситуации, позволяя изучить оперативные идеи командования. Важным представляется исследование подобных записей в контексте изучения воспоминаний этих же командиров.

Таким образом, фонды Российского государственного военно-исторического архива содержат огромный документальный комплекс, посвященный проблемам управления Западным фронтом российской армии. Анализ приказов, телеграмм и директив главнокомандующего фронтом, штабной переписки позволяет уточнить идеи стратегического планирования операций. Богатый картографический материал, содержащийся в фондах штаба Западного фронта, можно использовать для уточнения размещения армий, прифронтной и тыловой зон в 1915–1918 гг.

1. Военное законодательство Российской империи / Российский военный сборник; редкол. : А. Е. Савинкин (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1996. – 410 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 6. Д 19.
3. РГВИА. – Ф. 2047. Оп. 1. Д 1.
4. РГВИА. – Ф. 2144. Оп. 1. Д 17.
5. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 1. Д 3.
6. РГВИА. – Ф. 2049. Оп. 2. Д. 4.

Мизярска Н.А.

КУЛЬТУРА ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ XX ВЕКА

Термин “мемуары” (от фр. *mémoires* — воспоминания) используется в качестве обозначения целой группы источников, основанных на памяти. Мемуары делятся на четыре основные группы: воспоминания (автобиографии, жизнеописания), литературная запись воспоминаний, стенаграфическая (протокольная) запись воспоминаний, дневники [5, с. 130–131].

Мемуары принято рассматривать, как один из видов исторических источников, специфика которых заключается в том, что их автор воспроизводит факты, события и явления в том виде, в каком они сохранились в памяти их участника. Эти источники не только близки к художественной литературе, но и составляют один из её разделов, тесно соприкасаясь с публицистикой. Мемуары нередко стоят на грани научного исследования и исторического источника [3, с. 69–70].

В воспоминаниях автор не только фиксирует события прошлого, но и даёт свою оценку происходящим событиям, поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Особая ценность мемуаров состоит в том, что наша история плохо отражена в документах, поэтому часто приходится использовать эти источники.

К мемуарам, как и любым другим источникам, необходим критический подход и сопоставление их с другими источниками, в которых описываемые события так или иначе пересекаются с описаниями автора мемуаров [4, с. 634–635].

Мемуарная литература начала XX века раскрывает историю повседневной жизни представителей дворянского сословия Витебской губернии, которые внесли огромный вклад в развитии культуры и науки наших земель.

Благодаря мемуарным источникам из личного архива наследника рода Гребницких (Докторовичей), известно, что Адам Станиславович Гребницкий-Докторович родился 6 января 1857 в деревне Тётча Лепельского уезда Витебской губернии. Родовое имение Гребницких-Докторовичей находилось в Оболи. Адам Гребницкий учился 3 года в частной школе в Туросах (Ушачская волость, Лепельский уезд), где он изучал немецкий язык у немки Краусэ. Летом Адам приезжал на каникулы в имение Оболь. Далее родственница их, тётя, взяла Адама и его двоюродных братьев в Витебск, где они учились у частного учителя Безобразова до 2 класса. Адам Гребницкий поступил в 14 лет в классическую гимназию в Витебске. Хотя он и учился хорошо, всё же в 3 классе остался на второй год обучения из-за греческого языка. В итоге родители его перевели в Двинск в реальную школу, где он обучался до 1880 г. и изучал химию. Далее, он отправился учёбу в Петербургский лесной институт, который окончил в 1884 г. с золотой медалью за научную работу “Крахмал как запасное вещество наших деревьев” и был оставлен ассистентом на кафедре. В 1902 г. Адам Гребницкий стал профессором и возглавил кафедру плодоводства и огородничества в Лесном институте. Вместе с редактором журнала “Плодоводство” А.Ф. Рудским издал на русском языке “Руководство по плодоводству” Н. Гоше, которой во все времена пользуются садоводы. В 1892 г. была издана книга А. Гребницкого “Руководство по уходу за плодовым садом” [7].

Позднее Адам Гребницкий заложил свой сад “Рай” на хуторе “Станишки” в Литве, в котором проводил исследования и опыты. В своём саду он выращивал различные сорта плодовых деревьев, собирал и изучал сорта народной селекции, описанию которых он уделял большое внимание. Благодаря своим исследованиям и большому помологическому материалу, Адам Станиславович Гребницкий составил “Атлас плодов”, что стало огромным событием в истории отечественного плодоводства. В преклонные годы профессор остался практически без средств существования, в суровые зимы 1939–1940 г. погиб и его сад. Лютые морозы и суровые войны поглотили всё, что человек создавал всю жизнь. Адам Станиславович скончался 13 октября 1941 г. В советское время были приняты меры по сохранению архива учёного и восстановлению сада. В Станишках был открыт мемориальный музей и памятник Адаму Гребницкому [7].

Наследник известного дворянского рода Хрептовичей-Бутеневых, Пётр Бутенев (США) предоставил мемуарные источники о своей семье, которые были переведены с английского языка. Таким образом известно, что этот род владел многими имениями, как небольшими, так и крупными: Щорсы, Вишнево, Бешенковичи. Иохим Литавор Хрептович начал управлять имением в метечке Бешенковичи Лепельского уезда с середины 1700-х гг. Иохим владел большими каменными торговыми рядами в центре городка, которые состояли из 60 лавок. Недалеко находилась и сама усадьба – двухэтажное главное здание и одноэтажными крыльями по сторонам простой, однако красивой архитектурной задумкой. Усадьба была окружена большим парком, который спускался к Двине. Хрептовичи построили огромную синагогу для еврейской части населения, которая сгорела в 1930 г. (позднее её отремонтировал мой дедушка) [1, с. 45–46].

В 1812 г. Наполеон провёл сутки в имении Бешенковичи вместе с маршалом Мюратом и генералом, принцем Евгением. Кровать, на которой спал Наполеон, существовала до Первой ми-

ровой войны. В сентябре 1821 г. император Александр I и его братья, великие князья Николай и Михаил приехали в Бешенковичи для участия в военных манёврах. Они гостили 8 дней у Ирины и Каролины Хрептовичей.

Бешенковичи были самыми большими из всех имений Хрептовичей, оно насчитывало 12 фольварков, общей площадью около 22 тысяч десятин (1 десятина = 1,08 га). Начиная с XIX в., это имение играло важную роль в жизни семьи. В последние годы, перед революцией 1917 г., оно стало любимым местом пребывания, благодаря близкому расстоянию к Москве и Петербургу [1, с. 46].

Из личного архива Петра Бутенева известно, что его отец родился в 1870 г. в Бешенковичах. Среднее образование он получил в Туле, куда семья его переехала. Отца Петра Бутенева развивали с детства: давали частные уроки, занимались чтением, путешествовали с ним за границей. Сначала его отец учился в Москве, затем дедушка отправил его в Германию в город Хале изучать основы сельского хозяйства. В 1903 г., вернувшись в Россию, отец поступил на службу в Министерство иностранных дел и был направлен в русское посольство в Константинополь. После русско-японской войны ему предложили пост второго секретаря русского посольства в Токио. В конце 1909 г., он возвратился в Россию и обручился с дочерью своего профессора, Марией Сергеевной Трубецкой. Венчание состоялось 10 мая 1910 г. в университетской церкви. Медовый месяц молодые провели в Бешенковичах [1, с. 145–146].

Грасильда Малиновская – представительница шляхетского рода, родилась в 1833 г. в Череповщине Лепельского уезда Витебской губернии. После своей смерти, в 1921 г. оставила дневник, в котором описала события, происходящие в её семье на протяжении 1833–1921 гг.

В семье Малиновских регулярно проводились литературные вечера: “На литературных вечерах в нашей семье существовал определённый порядок. Собирались мы около 7 часов вечера, садились за круглый стол и пили чай. Обычно было приготовлено какое-нибудь чтение на историческую или общественную тему, затем наступали дискуссии и споры. На следующий вечер мы приносили рецензии на тему прочитанного, а далее – слушали различные мнения на тему прочитанного. Девушки не имели права голоса, только слушали рассуждения других. Наши мысли и сердца наполнялись различными мнениями, и это нас воспитывало” [6, с. 21–22].

Повседневная жизнь дворянского сословия была пропитана религиозностью, которая весомо накладывало отпечаток на их мировоззрение. Грасильда Малиновская выразительно описала роль костёла в своей жизни: “Моя мама мечтала о том, чтобы я стала монахиней, послала учиться меня в Полоцкий монастырь. С детства я решила жить по заповедям и делать только хорошие поступки на протяжении всей своей жизни” [6, с. 11].

Внучка последнего владельца Иванска, Винцэнта Володковича, Эльжбета Володкович (Маравская) предоставила интересную информацию о жизни и судьбе своего рода, который содействовал развитию культуры и экономики на чашницкой земле.

Имение Иванск, которое принадлежало Володковичам и являлось своеобразным историческо-культурным центром Лепельского уезда Витебской губернии. Известно, что Винцэнт Володкович был настоящим меценатом, на свои деньги он учил молодых людей в университете, открыл польскую школу в Иванске. В его имении жили гувернёры и гувернантки, которых приглашали с Англии, Франции и Германии, а в библиотеке дворца находились старинные книги в кожаных переплётах [2, с. 31].

В архиве, кроме семейных документов, находились материалы по истории Речи Посполитой, особенно касающиеся её северо-восточных земель. Здесь сохранилась значительная часть архива полоцких иезуитов, переписка королевского подканцлера Херанима Радиевского с королём Яном Казимиром, письма Марии Мнишек и её мужа Дмитрия-самозванца, несколько писем Барбары Радзивил, автографы короля Жигимонта Августа, привилеи Стэфана Батория, письмо князя Николая Радзивила Сиротки и др.

Библиотеку и архив составил и упорядочил перед началом Первой мировой войны краковский историк Ян Домбровский. Винцэнт Володкович занимался раскопками бывших мест сражений и собрал большую коллекцию оружия, среди которых были шишаки, выгнутые панцири, ржавые клинки, наконечники копий, кривые восточные сабли и др. [2, с. 32–33].

1. Буценёў, М. А. Хронікі сям’і Храптовічаў-Буцяневых / М. А. Буценёў; пер. з рус. Вікі Трэнас. – Мінск : Галіяфы, 2018. – 246 с.
2. Грыбко, В. В. Иванск і ваколіцы: гісторыка-краязнаўчы нарыс / В. Грыбко. – Мінск : Медысонт, 2011. – 124 с.

3. Пушкарёв, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975.
4. Румянцова, М. Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцова М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М., 1998. С. 466.
5. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне): Вучэб. дапам. – Мн. : БДУ. 1999. – 193 с.
6. Malinowska, G. Pamiętnik kresowej nauczycielki z lat 1833–1921 / G. Malinowska – Bydgoszcz : Towarzystwo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 1995 – 107 s.
7. Zapisano przez St. Hrebnickiego ze słów Adama Hrabnickiego w Raju w sierpniu w 1936 roku (osobiste archiwum A. Rejmana)

Ермалёнак В.А.

НОВЫЯ КРЫНІЦЫ АБ МАЁМАСНЫМ СТАНОВІШЧЫ ЗАМОЖНЫХ СЯЛЯН ДЗІСЕНШЧЫНЫ ПАЧАТКУ ХХ СТ.

Шмат таямніц хаваюць яшчэ гарышчы старых хат. Аб гэтым пераканаўча сведчыць набытая намі апошняя знаходка. Аляксандр Алегавіч Даргель, рабочы Мёрскага дзіцячага садка № 3, разбіраў са сваімі сябрамі старую хату на хутары, ля вёскі Якубаўшчына, Міёрскага раёна. На гарышчы ён заўважыў бляшаны цыліндр, у якім знаходзіліся старыя карты і дакументы, і вырашыў, што лепш за ўсё перадаць іх ў гістарычны музей СШ №3. Кіраўнік музея Вітаўт Ермалёнак набыў гэтыя экспанаты і адразу было праведзена іх першапачатковае даследаванне. Так як самай вялікай каштоўнасцю для беларускага селяніна была зямля, таму ў жалезны цыліндр і былі схаваны чатыры планы зямельных надзелаў. Найстарэйшы з планаў адносіцца да 1884 года [1, арк. 1]. Яго памеры 44 см. у даўжыню і 27 см. у шырыню. Выкананы ён, як і ўсе планы ў тых часы, на тонкай парафінаванай тканіне, тушшу, каб на выпадак дажджу дакумент не быў сапсаваны. З надпісаў на ім мы даведваемся, што гэты план зямлі належыў селяніну Адаму Пугаўку, які жыў у засценку Падрэчкі Дзісенскага павета (зараз знаходзіцца ў Шаркаўшчынскім раёне). Згодна плану Адам меў 80 дзесяцін зямлі, што сведчыла аб яго заможнасці. Звычайна сяляне мелі ад 8 да 15 дзесяцін. Сярэдні надзел зямлі па Віленскай губерні складаў у тых часы 12 дзесяцін [2, с. 171]. З гэтай зямлі 33,05 дзесяціны было лесу, 16,75 дзесяціны раллі, сенакосы 10,82 дзесяціны, высечанага лесу 15,04 дзесяцін. Акрамя таго на сядзібных і гаспадарчых пабудовы было адведзена 2 дзесяціны, хмызняк і балота складалі 1,25 дзесяціны, дарога і рэчка займалі плошчу 1,03 дзесяціны. Зямельныя ўгоддзі Адама Пугаўкі межавалі з сенакосам і лесам маёнтка Юндзілова, з урочышчам Барсучына, з землямі маёнтка Мікалаёва памешчыка Клётта, з землямі дзяржаўнай вёскі Рэчкі. На плане мы бачым на поўдні ўскраек возера Глухога, у якое ўпадае рэчка Маціца, адсюль і назва засценка-Падрэчкі. Дарога, якая пралягала па зямлі Пугаўкі, вяла ў Стары Пагост. Чарцёж плана выканаў землемер К.Марцінкевіч, а копію з яго дваранін В.Ф.Радкевіч. Сапраўднасці плана была заверына подпісам члена ацэнчай камісіі Віленскага пазмельнага банку. Гэтыя землі раней хутчэй за ўсё належалі Францішку Канаплянскаму, які за ўдзел у паўстанні 1863 года быў арыштаваны, прыгавораны да катаржных прац у Сібіры і памёр на шляху да катаргі. Яго ўладанні былі канфіскаваны і прададзены на публічных таргах у Вільні ў 1876 годзе. Для павелічэння рускага ўплыву землі прадавалі ў першую чаргу расійскім ваенным. Таму і набыў амаль тысячу дзесяцін зямлі і лесу адстаўны штабс-капітан рускай арміі Пётр Маслаў. Высекшы і распрадаўшы рыжскім яўрэям лес, ён усю зямлю ў 1881 годзе кавалкамі пачаў распрадаваць сялянам. Па 55 дзесяцін купілі тры браты Шэўчыкі і Аляксандр Ляскоўскі, 65 дзесяцін купіў Франц Рынкевіч. Адам Пугаўка, якому належаў план, як мы бачым, набыў найвялікшую колькасць зямлі – 80 дзесяцін. Па тых часах кошт яе складаў каля 3000 рублёў срэбрам. Гэта буйная на той час сума, бо карова каштавала ўсяго 10 – 15 рублёў. Адкуль у селяніна ўсяго праз 20 год пасля адмены прыгоннага права з’явілася такая сума грошай, мы пакуль не ведаем. Напэўна, частка іх была пазычана ў банку. Бо наступны з набытых намі дакументаў адносіцца да 1909 года. Гэта квіток Віленскага пазямельнага банка, які сведчыць аб тым, што пазычальнік Пугаўка цалкам разлічыўся з пазыкай, заплаціўшы банку 298 рублёў 65 капеек [1, арк. 2]. Падчас Першай сусветнай вайны, калі руская армія ў 1915 годзе паспешліва адступала, складаліся спісы маёмасці патэнцыяльных уцекачоў, якія маглі страціць сваю маёмасць падчас ваенных дзеянняў і бежанства. Таму і нашчадкі Пугаўкі склалі такі спіс маёмасці і яе кошту. Для нас гэты дакумент цікавы тым, што мы можам даведацца, якой маёмасцю валодалі заможныя